

Цена 10 коп

№ 5.

Суббота, 4 Февраля, 1906 г.

Цена 10 коп.

DK 262
.R9
Ран. 6. 10. 11.

ВЫХОДИТЬ НА
ОСНОВАНИИ
6 СТ. VII ВРЕ-
МЕННЫХ ПРА-
ВИЛЪ О ПЕЧАТИ
ВМѢСТО
ЖУРНАЛА
БУРЕЛОМЪ.

БУРЯ

РЕДАКЦІЯ:
Бол. Подъяческая,
д. 22, кв. 37.
Пріемъ: пон. четв.
и пятн.
отъ 7 до 9 ч.

КОНТОРА:
Николаевская, 42.

Еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Л. И. АНДРУСОНЪ, В. В. БАШКИНЪ, А. А. ВЕЙНБЕРГЪ, А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ, В. А. ВЕРЕЩАГИНА (ВЕТА), В. Н. ГОРДИНЪ, И. И. ГУРВИЧЪ, ДАЛАЙ-НОРЪ (псевдонимъ), ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ, АНТ. КАМЕНСКІЙ, Ф. И. МАКСИМОВИЧЪ (художникъ), МЕЧТАТЕЛЬ (Ө. Ө. ТРОЗИНЕРЪ), В. В. МУЙЖЕЛЬ, И. С. РУКАВИШНИКОВЪ, А. С. РОСЛАВЛЕВЪ, СЕРГѢЙ СОЛОМИНЪ (псевдонимъ), В. В. ТРОФИМОВЪ, М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ, А. А. ЯНОВЪ (художникъ) и мн. др.

На вершину!

«Я поведу тебя на высокія горы и покажу тебѣ всѣ сокровища міра...»
(«Когда мы мертвые пробуждаемся»). Ибсенъ.

Выше, выше, мой другъ! Чаша скорби
полна:

Слышишь тяжкіе стоны земли?...
Тамъ, за далью туманной, свободы страна,
Тамъ могучія крылья вдали
Расправляютъ орлы на вершинѣ.

Мощный кличъ ихъ свободный и гордый
звучитъ,
Оглашая нѣмой и холодный гранитъ,
Слабымъ отзвукомъ слышенъ въ долинѣ.

* * *

Яркою кровью пылаютъ въ вечернихъ
лучахъ

Вереницы холмовъ обнаженныхъ.
Эта кровь говоритъ о погибшихъ мечтахъ,
О кипучихъ бойцахъ пораженныхъ...
Труденъ путь... Пусть погибнемъ въ
неравномъ бою

Съ черной тьмою за счастье и волю,
И горячую жизнь и свободу свою
Отдадимъ за грядущую долю!
Слышишь, клочокъ орлиный все ближе
звучитъ,

Оглашая холмы и долину,
Въ сердце бодрость вливаетъ и душу
живитъ...

О, скорѣе туда... на вершину!

В. А. ВЕРЕЩАГИНА.

Фельетонъ.

О желѣзномъ шахтерѣ.

Потерпи, товарищъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ упорнѣй слухъ.

Не напрасно въ камняхъ чахъ ты,
Ждалъ и вѣрилъ много лѣтъ.
Онъ насъ выведетъ изъ шахты
На веселый вольный свѣтъ.

Ноетъ грудь и поясница
И стоитъ туманъ въ глазахъ.
Полетитъ душа какъ птица
Отдохнуть въ родныхъ поляхъ.

Намъ, товарищъ, по дорогѣ,
Оба пасынки судьбы.
Кто-то встрѣтитъ на порогѣ
Покосившейся избы?

Потерпи еще, братъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ упорнѣй слухъ.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

(CU)

89-й годъ,

(Сонъ; изъ книги „Парижъ“).

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten. Goethe

Нынче позволительно немного мечтать. Не такъ, чтобы ужъ очень, но до извѣстной степени можно. Собственно говоря, мечталъ я и раньше и ужъ очень давно, никогда не испрашивая себѣ на то разрѣшенія отъ полиціи, но нынѣ все чаще мечты мои принимаютъ багровый отцвѣтъ и въ тиши моихъ сновъ, при красочномъ заревѣ занимающагося пожара я различаю насквозь про-вѣчивающія багрянымъ пламенемъ тѣла. Или я ихъ раньше не замѣчалъ? Такъ странно чужды они мнѣ и такъ близко знакомы.

Проходятъ мимо важные напудренные доктринеры и старички, любезно улыбаясь, въ разшитыхъ золотомъ кафтанахъ, ковыляютъ на отягченныхъ подагрой ногахъ, съ милой граціей протягиваютъ золотыя табакерки и беззвучно шепчутъ что-то...

Милые, родные, говорю я, о, старые, посѣдѣлые доктринеры, выросшіе на развалинахъ пышнаго величія, еще упившіеся царственнымъ закатомъ старой Франціи, на чьихъ головахъ дрожатъ золотые лучи Louis XIV! Въ бреду царственной агоніи, въ сумрачномъ закатѣ французскихъ королей, Вы разслышали новые звуки; гдѣ-то рычала толпа все явственнѣе и золотыя кареты, направ-

* * *

Слышенъ тучъ протяжный шорохъ;
Въ ихъ причудливыхъ узорахъ
Чаще молнія змѣится,
Росъ темнѣетъ бирюза;

Море искристое блещетъ
И гонюется, и плещетъ —
Знаю, скоро затрепещетъ
Неминуемая гроза!

Вѣтеръ, мощный и летучій,
Соберетъ во мракѣ тучи;
Какъ снопы, ихъ опояшетъ
Молній брезжущая нить...

Этой ночью дымно-сѣрой
Съ обольстительною вѣрой
Въ опьяняющее солнце
Жадно хочется мнѣ жить:

Зажемчужится, блистая,
Тучъ грохочущая стая,
Затрезвонитъ лѣсъ пустынный,
Грому дальнему въ отвѣтъ...

Минетъ ночи блескъ янтарный, —
День зажжется лучезарный... —
Чѣмъ величественнѣй буря,
Тѣмъ прекраснѣе разсвѣтъ!

МИХАИЛЬ ПУСТЫНИНЪ.

лявшіяся въ Версаль, забрасывались грязью.

Young писалъ Вамъ ужасающіе отчеты о деревнѣ, о голодѣ и пожарѣ, объ одичавшихъ поселенцахъ и Вы все чаще задумывались надъ грядущимъ и, покачивая головами, перечитывали Вобана.

На Землѣ.

Степь голая, избитая, изможденная, какъ кости ея пахаря. Вездѣ болото. То тамъ, то здѣсь двигаются человѣческія тѣни—это пахари русскіе, пригнанные тяжкимъ ярмомъ, изъ болота и дымящихся кочекъ выжимаютъ соль земли.

День и ночь они ползаютъ по дну земли и плодами ихъ рукъ дышетъ вся страна.

Ихъ окружаетъ молчаніе; но они какъ-будто-бы ждутъ какого-то голоса. Порою они разгибаются и смотрятъ на небо, но темное, сѣрое небо ничего не говоритъ: оно таинственно и безгласно.

Тишина...

Иногда вѣтеръ, срывая соломенные крыши и свирѣпо раздувая крылья красного пѣтуха, проносится среди нихъ и опять тишина, точно въ гробу.

Гдѣ-то внутри, далеко, далеко, теплится жизнь, но черная стихія рабства загромождаетъ ее голодомъ и она чахнетъ и гибнетъ въ болотѣ.

— Што то блеснуло на небѣ—никакъ солнышко!—восклицаютъ мужики, разогнувъ спины: приглядишь, братцы, у кого глазъ быстрѣе.

— И впрямь,—соглашаются быстроглазые.—Мелькнуло што-то, можетъ и вправду солнышко...

Мужики устремляютъ взоры вверхъ....

Небо, покрытое свинцовымъ туманомъ, молчитъ...

— Туманъ! Ничего не видно, затянуло все... Затменіе... Надо быть, отъ натуги—

кровь къ головѣ бросилась,—такъ померещилось, братцы,—говорятъ мужики.

И опять видно, какъ пропитанныя кровью и соленымъ потомъ рубахи копошатся въ болотѣ среди кочекъ и булыжника. Рядомъ съ ними, заносчиво поднимая далеко къ небесамъ свои—пушистыя вершины—толпится лѣсъ, густой, черный лѣсъ... Толстые стволы стоятъ сотни лѣтъ и не качаются. И чѣмъ дальше, тѣмъ гуще становится ихъ среда. Они неприкосновенны. Они недоступны. Они сгниваютъ на корняхъ, мѣшая развиваться молодымъ побѣгамъ. Ихъ охраняетъ черное воронье. Горе смѣльчаку, стукнувшему топоромъ о гнилую кору.

Кромѣшная туча воронья заключаетъ его и отъ безкровнаго тѣла останутся только одніе косточки.

Откуда-то повѣяло ужасомъ.

По гладкой дорогѣ, вымощенной какъ паперть кладбищенской церкви, двигается процессія.

Впереди эшафотъ.

На эшафотѣ приговоренный къ смерти. Загорѣлая шея изрѣзана рубцами и морщинами. Воротъ рубахи, пропитанной кровью и потомъ, оборванъ. Видна впалая надорванная грудь... Она дышетъ медленно. Обнаженная по локоть рука креститъ лобъ. На ней нѣтъ тѣла—одна только кожа съ синими жилами.

На эшафотѣ надпись «къ смерти». Его везетъ юстиція—безчувственная, забитая, поработанная. Она монотонно стучитъ стальными копытами по жесткой землѣ.

Отъ этого стука холодѣетъ кровь. Равнодушная къ страданіямъ и мольбамъ, она послушно двигается, направляемая поводы-

ремъ. На ней узда, у нея нѣтъ глазъ... Она, слѣпая, шагъ за шагомъ плетется, управляемая сѣдокомъ. На ней сидитъ администрація—она всей своей жирной кучей навалилась на юстицію и давитъ ее, и жметъ...

Въ рукахъ администраціи свиститъ плетъ. Эшафотъ ползетъ мимо изможденных степеней.

Среди зловѣщей тишины стучатъ стальные копыта юстиціи...

На подмосткахъ смерти тарахтитъ гробъ эшафота.

Съ болота поднимаются кудлатые головы мужиковъ. Они переглядываются и чешутъ подъ ложечкой.

— Везутъ?!—шепчутъ въ болотѣ.

Оттуда, гдѣ черный лѣсъ тонетъ въ сѣромъ туманѣ сырыхъ тяжелыхъ облаковъ, поднимается воронье... Каркаетъ шумитъ крыльями и летитъ за эшафотомъ.

Спины опустили въ болото.

Кругомъ тишина...

Буря въ сердцахъ...

ДАЛАЙ-НОРГЪ.

Сидя на блестящихъ пирахъ Grimod de la Reunione, человѣка съ желѣзными руками, у м-ме Неккеръ, слушающаго пламеннаго Дидро; Вы давали себѣ торжественную клятву, когда настанетъ моментъ, пойти съ народомъ.

Милые, забавные, смѣшные, какъ вѣровали Вы въ „le Peuple“, въ Леониду и его спартанцевъ, какъ были Вы изумлены, когда народъ, презрѣвъ Вашъ горделивый отказъ отъ титуловъ и орденовъ, народъ не оказался похожъ на Ваше представление о немъ и грубо лишивъ Васъ Вашихъ книгъ, Вашихъ ретортъ, Вашихъ милыхъ дамъ, бросилъ Васъ въ темницу и на плаху; но Вы и тогда не переставали вѣрить въ Лафаетта и Руссо и въ декларацию правъ, Вы были увѣрены, что все это пройдетъ, пройдетъ, que cela passera.

La Motte Fouquet и пышный герцогъ Орлеанскій—Филиппъ Эгалите и неистовый „другъ народа“ и Destutt de Tracy и вѣчно уповающий старикъ Кондорсе, писавшій еще нѣсколько дней до плахи, въ темницѣ, въ своей гордой и смѣшной книгѣ гимны совершенствующемуся человечеству, совершенствующемуся!

Историческая волна смела Васъ, какъ накипь, какъ соръ исторіи, какъ ненужныя бездѣлушки гроссо, и безжалостные властелины грядущаго, черные люди съ могиллистыми руками, сурово обозвали Васъ „идеологами буржуазіи“, „близо-руками“, самые смѣлые изъ Васъ получили кличку „утопистовъ“, Ваше „естественное право“, служившее такимъ могу-

чимъ лозунгомъ для взрыва Вашего сердечнаго энтузіазма, оказалось лишь прикрывающимъ „историческія требованія tiers état“, и всѣ Вы, люди великаго міра, о, друзья Гельвеція, Гольбаха и Мирабо, возбудили лишь проницательную улыбку.

Какъ близки Вы мнѣ! Какъ понятенъ мнѣ Вашъ пафосъ, какъ ясно мнѣ Ваше непониманіе!

Боюсь, придете Вы опять, но уже безъ золотыхъ побрякушекъ, безъ аромата утонченной культуры, огрубѣлые въ чудовищной пошлости нашихъ дней, но съ тѣмъ же пафосомъ, съ той же наивностью взглядовъ, съ великимъ желаніемъ „просвѣщать“ и будете съ недоумѣніемъ озирались вокругъ, морщить лобъ и—не понимать.

И будетъ пыль рѣчей, и будутъ ошибки, смерть!

.....

Политическіе клубы. Горячка исторіи

смела революціонеровъ сверху и послѣднимъ ея представителемъ былъ пламенный Мирабо. Онъ умеръ и навсегда изсякъ источникъ аристократовъ-революціонеровъ.

Теперь говорятъ Барнавъ, Робеспьеръ, рычатъ легъ Дантонъ и чудовище въ образѣ обезьяны — Маратъ. Камилъ Демуленъ пишетъ свои пламенные памфлеты, въ Пале-Рояль толпа ломаетъ рѣшетки...

Какъ забавно сердится по этому поводу Тэнъ? Чистенькому „philosophe“ не по себѣ. Нарушители традицій! Низвергатели порядка! Добро бы они шли противъ монархизма и привилегій дворянства, о, самъ Тэнъ прекрасно понимаетъ необходимость упраздненія „всего этого“, но нѣтъ, они одинаково далеки какъ отъ жирондистовъ, такъ и отъ монтаньяровъ, они враждуютъ часто съ якобинцами, они санюлоты по одеждѣ и убѣжденіямъ, они анархисты духа, они демагогизируютъ сволочь улицы, они проповѣдуютъ диктатуру элементарной невѣжественной массы, съ ними надо бороться, ихъ надо уничтожить...

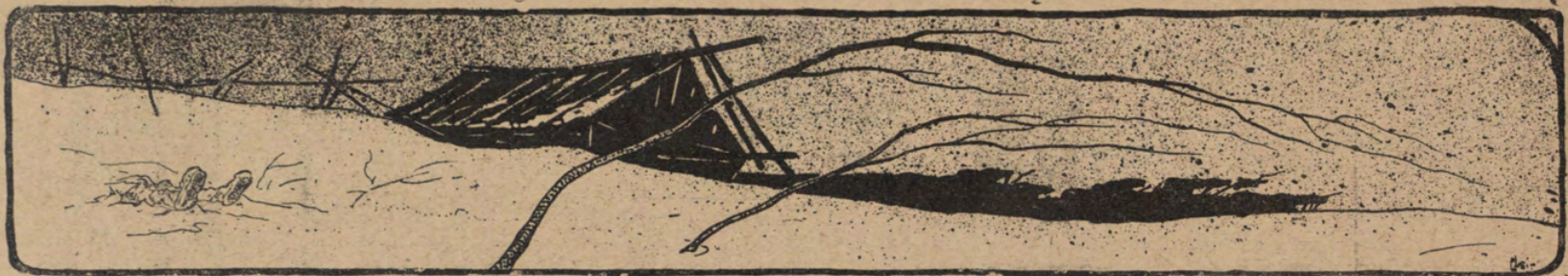
Гдѣ гдѣль я этого юношу, верхомъ на конѣ? Онъ скакалъ на своей сѣрой лошади и казался возставшей мстью, народной Горгоной, пылающей карой...

Чьи заступы звучатъ о мостовую, взрывающаго камни? То шумитъ Сентъ-Антуанское предместье, строя баррикады. Гдѣ-то слышится Карманьола и въ звукахъ ея голодное отчаяніе, крикъ: „хлѣба“ и гроз-

«А тучи, во глубинѣ Россіи—
Туча вѣковая тишина!»

Никто не ждетъ.

Никто не ждетъ, никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь,
О мщеніи яростномъ взываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

Въ тотъ день, сойдясь подъ краснымъ
флагомъ,

Мы съ пѣсней кинули загодъ.
Изъ переулка спѣшнымъ шагомъ
Наперерѣзъ намъ вышелъ взводъ..

Быль залпъ. Передніе смѣшались,
Товарищъ мой лежалъ ничкомъ
И мнилось, дьяволы смѣялись
Противнымъ, жиденькимъ смѣшкомъ.

Ихъ зубы—не штыки блестяли
И барабаникъ не былъ пьянъ.
Нѣтъ, это смерть въ его шинели
Усердно била въ барабанъ.

И вотъ опять никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь,
О мщеніи яростномъ взываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Сонъ Боярышника.

Въ страстную субботу
боярышникъ плачетъ, вспо-
миная страданія Христовы.

(Пародіе поварье).

Была распята Великая Истина...

И тяжелымъ вздохомъ подымалась зем-
ная грудь: клонила свои вѣтви темные кипа-
рисы, окружая траурнымъ вѣнкомъ подно-
жіе горы; и краской остраго стыда горѣли
алые розы, опуская благовонныя головки,
закрывая листьями острые шипы; а старый
терновникъ угрюмо прятался въ расщелинѣ,
распластавши на холодномъ камнѣ свои
безжалостныя иглы...

Такія же иглы терзали Его голову и на
нихъ горѣли въ послѣднихъ лучахъ захо-
дящаго солнца рубины-капли.

И весь міръ охватила страшная вѣсть и
сжала въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ...

Въ жгучемъ отчаяніи потянулся къ небу
малютка шиповникъ, бросая на дорогу свои
душистые лепестки и покрываясь алыми,
какъ кровь, плодами, и на его листьяхъ
плакали слезы...

И задрожалъ отъ боли и горя сѣверный
братъ терна боярышникъ... Плакалъ, горько
плакалъ онъ, а его слезы бѣлымъ ковромъ
покрывали землю, и показалась молодая
завязь и повисли алые гроздья... Падая на
землю, вызвали онѣ новую жизнь, и впи-
тывала она воспоминанья черной ночи...

Столѣтья прошли, долги столѣтій! Все
помнитъ боярышникъ и плачетъ онъ въ ту
ночь, когда распята была Великая Истина;
и грезитъ онъ жгучими снами: видитъ онъ
безконечный рядъ свѣтлыхъ тѣней...

И новую пѣсню во славу Истины и сестры
ея—Борьбы поютъ онѣ и глухія ноты скорби
и муки врываются въ великую пѣсню. Ско-
ваны ихъ руки и ноги, но бодрѣютъ, вѣр-
нымъ шагомъ идутъ онѣ. А на головахъ
ихъ сливаясь съ шипами горятъ алые гроз-
дья и тихо-тихо струится кровь на бѣлые
одежды... И узнаетъ старый боярышникъ
свои вѣтви и плачетъ, плачетъ онъ въ
великую ночь!...

Veto.

ное в личье плашущихъ на краю про-
пасти:

Monsieur Veto nous a promis
De faire égorger tout Paris.

Madame Veto общала намъ горячихъ
пирожковъ. Что надо дѣлать народу,
когда у него нѣтъ хлѣба? Братъ ружья.

Друзья, товарищи, граждане! Берите
ружья, берите пашки, старья, заржавѣв-
шія пашки, берите пики, ломы, стамески
и топоры, мы пойдемъ и путеводной звѣз-
дой будетъ служить намъ фригійскій кол-
пакъ, а свѣточемъ багряное солнце, мы
пойдемъ, мы пойдемъ

са іга, са іга, са іга.

Далѣе все неясно. Красный туманъ
окуталъ мой сонъ и въ рдѣющемъ золотѣ
его лучей вырисовываются безумныя лица.
Человѣкъ съ разодранной рубахой на
груди—лицо его смѣется, а глаза застыли
въ ужасѣ, чья-то запрокинутая голова, и
на чьихъ-то смолистыхъ волосахъ красная
трипка, еще повязка, еще и еще, еще
что-то красноз, потомъ темный пурпуръ
большихъ пятенъ—кровь, снова кровь,
лужи крови и почему-то золото и въ ро-
зовой полумглѣ возвышается пика, а на
ней чье-то пылающее сердце.

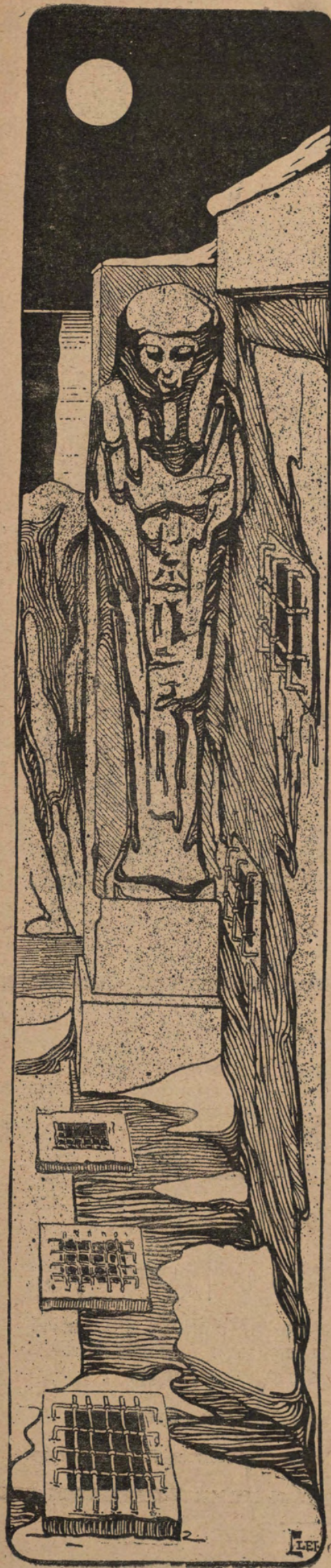
Да, настаетъ пора пламенныхъ сновъ.
Они горятъ, эти сны, и жгутъ и жаждутъ
воплощенія. Но воплощеніе не дается
сразу и требуетъ мукъ.

89-й годъ, 93-й, 71-й, какія даты! У
насъ тоже есть даты.

Ахъ, истинно, великая разница между
скандаломъ и исторіей.

Alex. St.

* * *

Я васъ не звалъ, былого тѣни!
Зачѣмъ къ обители моей
Явились вы толпой видѣній,
Толпой непрощенныхъ гостей?..

Я васъ не звалъ, бывше годы,
Дни невозвратные весны,
Печали, радости, невзгоды,
Мечты, стремленія и сны!

Пусть ваши радужныя краски
Еще играютъ и поютъ,
И несмолкающія сказки
Недавней былью отдаютъ;

Пусть много, безконечно много
Души огня и сердца силъ,
Какъ на алтарь живого Бога,
Вамъ тихо въ даръ я приносилъ;

Пусть озаряли кроткимъ блескомъ
Вы жизни сумрачную степь
И разрывали съ легкимъ трескомъ
Унынья роковую цѣпь,—

Но твердо между мной и вами
Росла и выросла стѣна,
Клубясь широкими волнами,
Легла густая пелена.

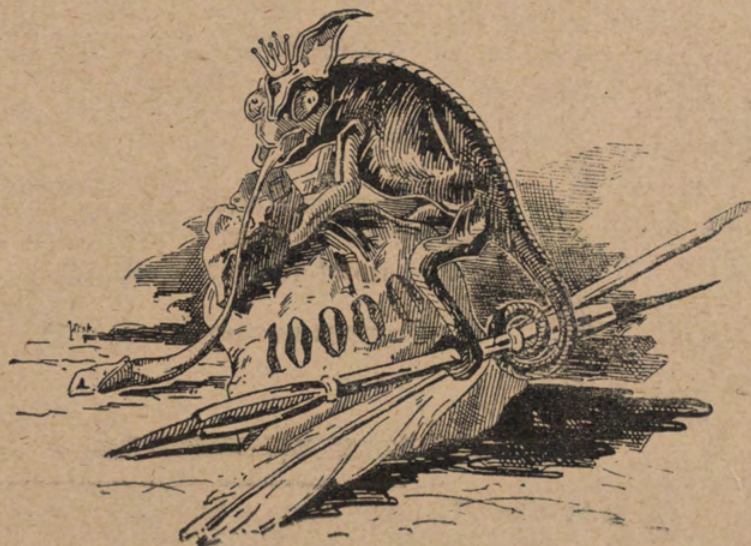
Отчизна-мать затосковала,
Какъ пробужденная раба,
Въ цѣпяхъ тяжелыхъ, что сковала
Ей прихотливая судьба.

Весеннихъ грозъ могучимъ смѣхомъ
Ея свободный грянулъ зовъ
И отозвался гулкимъ эхомъ
Въ сердцахъ недремлющихъ сыновъ.

Я бодро всталъ, какъ бодро встали
И братьевъ сонмъ и кругъ сестеръ,
И, лезвиемъ бряцаая стали,
Мстить вышелъ за ея позоръ.

Мы бодро мстимъ... Потокомъ горнымъ
Клокочетъ месья и день и ночь,
Что чуждо ей—зовемъ позорнымъ
И гонимъ съ ненавистью прочь.

Уйди-жь, безропотно, бывшее,
Подальше отъ моихъ очей!
Ты для меня теперь чуждое,
И темень смыслъ твоихъ рѣчей.

Фантазія

Служила вся страна гранитному кумиру—
Созданью думъ своихъ, созданью потныхъ

рукъ,
Спасенье видя въ немъ драхлѣющему
міру

И утомленіе гнетущихъ сердце мукъ.
Ницъ падали предъ нимъ бойцы предъ
близкой битвой,

Побѣды надъ врагомъ отчаянно моля,
И пахарь приходилъ со слезною молитвой,
Чтобъ благодатный дождь вдругъ освѣжилъ
поля.

Съ больнымъ дитятею покорно мать
являлась

Вѣнчать душистыми цвѣтами божество;
У ногъ его печаль народомъ изливалась,
У ногъ его велось народомъ торжество...
Но вотъ возсталъ пророкъ и кликнулъ,
негодуя;

„Несчастная толпа, какъ заблудилась ты;
Отъ имени небесъ одинъ къ тебѣ иду я,
Чтобъ съ глазъ твоихъ сорвать завѣсу
слѣпоты.

Вчера трудилась ты, вся обливаясь потомъ,
Творя себѣ кумиръ изъ камня и песку,
А нынѣ отъ него-жь предѣла ждешь
заботамъ.

И жертвуешь ему и радость и тоску.
Есть въ мірѣ Богъ иной, Онъ царствуетъ
побѣдно,

Онъ создалъ тьму и свѣтъ, васъ—нищихъ
и меня.

Сотрите-жь идолъ свой съ
лица земли безслѣдно
И кайтесь безъ конца, тер-
заясь и стена“...

Но смѣло прозвучать толпы
отвѣтъ угрюмой:

Пророкъ, твои слова — ни-
чтожный блѣдный звукъ!

Кумиръ тѣмъ и священъ,
что плодъ онъ нашей
думы,

Что созданъ онъ трудомъ и
силой нашихъ рукъ...

И. Гурвичъ.

Въ атаку.

Къ свѣдѣнію Лг. авторовъ:

Рукописи въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ исправленіямъ; доставленныя безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Рисунки просятъ доставлять въ эскизахъ для совмѣстнаго обсужденія съ редакціей.

Для полученія письменнаго отвѣта необходимо прилагать почтовую марку.

Выдача гонорара производится по выходѣ каждаго номера.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ по понед. четв. и пятн. отъ 7 до 9 час. вечера.

Адресъ Редакціи:

Больш. Подъяческая, д. 22 кв. 37.

Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ

„БУРЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА БЕЗЪ ДОСТАВКИ въ СПБ.:

въ годъ 3 руб. | съ доставкой и пересылкой во все города Росс. Имп. 5 руб. | 1/2 года 3 руб.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала СПБ. Николаевская 42.

Редакторъ-Издатель Г. П. Эрастовъ.

DK262
.R9
Ran 64. com

№ 4.

Цѣна 10 коп.

Суббота, 28 Января, 1906 г.

Цѣна 10 коп.

ВЫХОДИТЬ НА
ОСНОВАНИИ
§ 6 СТ. VII ВРЕ-
МЕННЫХЪ ПРА-
ВИЛЪ О ПЕЧАТИ
ВМѢСТО
ЖУРНАЛА
БУРЕЛОМЪ.

БУРДЯ

РЕДАКЦІЯ:
Николаевская, 2.
Пріемъ отъ 6 до
8 ч. ежедневно.

КОНТОРА:
Николаевская, 42.

Еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ.

«И куда мнѣ ихъ столько».

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Л. И. АНДРУСОНЪ, В. В. БАШКИНЪ, А. А. ВЕЙНБЕРГЪ, А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ, В. А. ВЕРЕСИАГИНА (ВЕТА), И. И. ГУРВИЧЪ, ДАЛАЙ-НОРЪ (псевдонимъ), ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ, И. Ф. МАКСИМОВИЧЪ (художникъ), МѢЧТАТЕЛЬ (А. А. ТРОЗИНЪ), И. С. РУКОВИШНИКОВЪ, А. С. РОСЛАВЛЕВЪ, СЕРГѢЙ СОЛОМИНЪ (псевдонимъ), В. В. ТРОФИМОВЪ, М. А. ЭНГЕЛЬГАРТЪ, ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ, А. А. ЯНОВЪ (художникъ) и мн. др.

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала будетъ помѣщенъ фельетонъ А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Фельетонъ.

Ш у т ы.

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками
И въ бубны блестящіе били...
Шуты короля хоронили!

«Король нашъ, король нашъ веселый!
Кто спяшетъ чудеснѣй,
Кто-жъ съ пьяною пѣсней
Осушить твой кубокъ тяжелый?
Король нашъ, король нашъ веселый!»

Шуты короля отпѣвали,
А красные двое,
Кривляясь и воя,
Рѣчками могилу копали...
Шуты короля отпѣвали...

«Король нашъ, король нашъ безумный!
Палачъ усмѣхнется,
Тебя не дожидется
Палачъ твой на площади шумной...
Король нашъ, король нашъ безумный!»

Шуты короля хоронили,
Гремя бубенцами,
Трясли колпаками
И въ бубны блестящіе били...
Шуты короля хоронили!

(ТСУ)

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Б у р я.

Безвозвратно отзвучали
Пѣсни скорби и печали,
Вѣтры буйные умчали
Робкій гимнъ молитвъ.

Дни могучіе настали,
Новыхъ звуковъ полны дали—
Плеска крови, звона стали,
Бурныхъ кликовъ битвъ.

Всплыли новыя картины,
Пали гордыя вершины
Гордыхъ замковъ, и руины
Пылью заросли.

Гдѣ, обрызгана росой,
Извивалася косою
Полоса за полосой
Вспаханной земли,—

Тамъ подъ дымкою тумановъ
Растянулася пѣшь кургановъ—
Пѣшь могилъ родныхъ титановъ,
Доблестныхъ борцовъ.

И глядятъ кругомъ порою,
Споря съ огненной зарей,
Стяги алые толпою
Горделивѣе крестовъ...

Гдѣ стучалъ проворный молотъ,—
Безпошадный бродить голодъ,
Озлобленно вѣетъ холодъ
Въ сумракѣ ночей.

Можетъ быть, въ былую пору
Больше свѣтлаго простору

Было трепетному взору,
Было для очей,

Но глядѣло все убого,
Какъ внезапная тревога,
Какъ у чуждаго порога
Безпріютный людъ..

А теперь—о, какъ красивы,
Хоть и страшны, смерти нивы
И могучіе порывы,
И могучій трудъ!

Какъ безумно-величавы—
Зовъ героевъ, бой кровавый,
Тухій стонъ
На полѣ славы.
Затаенный стонъ!

Вѣйте-жъ, вѣйте, непогоды,
Мчитесь бѣшенно, невзгоды,—
Въ шумѣ вашемъ духъ свободы,
Воли гордый звонъ...

ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ.

„Стучатъ молоты“

Фантазія.

Наступилъ сѣрый день. Солнце не свѣтило. Оно словно отвернулось и не хотѣло смотрѣть... Туманъ сдавливалъ, тѣснилъ дыханіе: «воздуху... воздуху!»...—шептало сердце въ груди. «Свободы... свободы!»—чуть слышно говорилъ умъ, отыскивая въ больномъ мозгу пластинку, которая бы сильнѣе воспроизвела его желаніе. «Не мѣшайте мнѣ жить!»—хотѣлъ крик-

Однажды ночью.

I.

Въ одну изъ зимнихъ ночей, когда метель съ жалобнымъ воемъ билась за моймъ окномъ, а вѣтеръ яростно взмывалъ къ черному беззвѣздному небу свѣжныя волны—они вошли ко мнѣ, дрожащіе отъ стужи, обвѣянные непогодой.

Нѣтъ было двое: отецъ и сынъ, старикъ и подростокъ.

Я съ трудомъ узналъ ихъ и вспомнилъ...

Вспомнилъ залитый солнцемъ лѣтній день. Мужчины и женщины, старики и подростки—стояли среди деревьевъ, сидѣли на землѣ... Причудливымъ узоромъ прорѣзались сквозь зеленъ лучи солнца и яркими пятнами ложились на изможденные лица, на мозолистыя руки, на пропитанную копотью и потомъ одежду... Толпа сосредоточенно слушала... Молчали и молодые кудрявыя деревья, какъ будто задремавшія подъ знойнымъ дыханіемъ безоблачнаго неба. Только среди могилъ, гдѣ печально и кротко чернѣли кресты—звенѣли кузнечики въ сочной травѣ.

Отецъ и сынъ—стояли рядомъ.

Старикъ говорилъ съ обнаженной головой; сѣдина, сверкая на солнцѣ, казалась свѣтлымъ ореоломъ вокругъ потемнѣвшаго, изрѣзаннаго морщинами, хмураго лица. Призывъ и страданіе звучали въ его голосѣ и каждое слово старика отражалось во взглядѣ подростка, устремленномъ туда, гдѣ на

фонѣ свѣтлой лазури гигантскими черными вѣхами мрачно высились фабричныя трубы и громоздились дома.

Кончилъ старикъ свою рѣчь и умолкъ. Безмолвны были и хмурыя лица вокругъ. И въ этомъ молчаніи чуялась нарастающая сила, чуялось приближеніе бури... Я видѣлъ какъ въ глазахъ подростка, словно молнія, вспыхивали огоньки и какъ высоко и часто вздымалась юная, еще не окрѣпшая грудь.

Прошло не мало дней...

Прошли недѣли, мѣсяцы...

Давно отзвенѣли кузнечики. Молодые деревья потеряли свой пышный нарядъ; могильные холмы покрылись бѣлоснѣжною ризой и надъ кроткими крестами могилъ каркали стаи черныхъ, неуклюжихъ птицъ. Изъ высокихъ фабричныхъ трубъ выползали клубы ѣдкаго густого дыма и медленно двигались по мутному сѣрому небу.

Въ одинъ изъ такихъ дней я встрѣтилъ толпу людей.

Она чинно и молчаливо двигалась по улицѣ.

Впереди толпы я увидѣлъ ихъ: старика и подростка, съ обнаженными головами.

Отецъ и сынъ шли рядомъ.

Навстрѣчу имъ изъ-за угла показалась сѣрая, стройно колыхающаяся масса.

Она приближалась медленно и надъ нею что-то свѣтилось холоднымъ стальнымъ блескомъ.

Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ больше ни старика, ни подростка.

.....

нута человекъ, да такъ, чтобы его услышали и лѣсъ, и горы, и широкая степь, но у него не было для этого ни права, ни силы, ни воли... Тихо было кругомъ. Тѣ, что созвали свое человеческое безправіе, не имѣли тверческаго голоса, который бы разбудилъ заколдованную красавицу — Свободу, томящуюся въ плѣну у Церберовъ. Порою они, какъ черепаха, обезпеченная толстой броней, высовывали головы изъ своей скорлупы, но едва имъ угрожала опасность, они тотъ же часъ прятались. Люди — черепахи, считая себя благородными животными, начинали иногда говорить человеческимъ голосомъ, но стоило только церберамъ разинуть пасть и они становились безгласными...

А тамъ, внизу, стучали молоты. Они безъ умолку бились о наковальни. Подъ ихъ ударами слабѣла сталь, вытягивалась и изъ толстаго, грубаго куска превращалась въ пластинку. Подъ стукъ молотовъ кузнечный мѣхъ то опускался, то поднималъ свою могучую грудь. Она дышала вѣсма легкими и разжигая сердце свое пламеннымъ огнемъ, закаливала сталь.

Въ этотъ сѣрый день стука молотовъ черепахи уже не слышали. Онѣ высунули изъ своей скорлупы накрахмаленныя шейки и стали загадочно переглядываться: тамъ, въ кузницахъ, царила мертвая тишина.

— Пошли...

— Кто?

— Тѣ, что ковали сталь!

— Куда?

— Къ Церберамъ.

— Зачѣмъ?

— Освободить красавицу — Свободу.

— Да вѣдь она заколдована! Она спитъ

непробуднымъ сномъ. Ее держать у себя въ плѣну нечистая сила!

— А захватили они съ собой что изъ дня въ день ковали?

— Нѣтъ. Оставили въ кузницѣ. Они взяли съ собой только Евангеліе.

Они шли, закопченные дымомъ. Въ молистыхъ рукахъ они держали кресты и хоругви. Ихъ окружали жены, дѣти и матери. Бѣлый снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Изъ рваной обуви торчали голые пальцы. Подъ пальцами таялъ снѣгъ. Они шли. Ихъ вдохновляла Надежда. Жены, дѣти и матери шептали молитвы...

Остановились. Ихъ встрѣтили залпами. Тысячи пуль съ трескомъ разлетѣлись по толпѣ. Бѣлый снѣгъ покрылся кровью. Они валились, какъ скошенная трава. Снѣгъ краснѣлъ и таялъ въ теплой крови. Безглазая смерть, стуча желтыми костями, считала добычу. Она заключила союзъ съ Церберами.

Сѣрый день плакалъ... Черепахи вытирали слезы.

Ночью слышались стоны умирающихъ. Среди живыхъ нарождалось Проклітіе. На слѣдующій день опять застучали молоты. Закаленная сталь заострилась въ тонкое лезвіе. Она сверкала, какъ сотни тысячъ человеческихъ глазъ, злобще и мстительно.

Тяжело дышалъ кузнечный мѣхъ. Въ его пылающемъ огнѣ плавилась сталь. Изъ глубины своего сердца мѣхъ выжималъ металлические звуки: ме... ме... ти..., ме... те... те... те...

ДАЛАЙ-НОРЪ.

Изъ пѣсенъ грядущаго.

На площади ярко горѣли костры...

Народъ, опьяненный побѣдой,

При звонѣ литавровъ, при звукѣ роговъ,
Сжигалъ своихъ старыхъ боговъ.

Изъ капищъ священныхъ, изъ древнихъ храминъ,

Дотолѣ великихъ и грозныхъ,

Побѣдный народъ на телѣгахъ простыхъ

Возилъ истукановъ златыхъ.

И всѣхъ онъ кидалъ въ безпощадный огонь...

И тѣ, кто вѣками царили,

Въ чью честь сжигали рабовъ на кострахъ,

Разсыпались въ пепелъ и прахъ...

Народъ бушевалъ, какъ могучій титанъ,

Сорвавшій позорныя цѣпи...

И, цезаремъ ставъ, онъ по-царски топталъ

И жегъ драгоценный металлъ...

Когда же угасли огни на кострахъ,

И съ ними исчезли кумиры,

Отъ пепла очистили площадь, и тамъ

Великій возвысился храмъ.

Свободные люди воздвигли его,

Какъ символъ грядущаго Мира,

Чтобъ онъ надъ воскресшей, великой страной

Сіялъ красотой неземной!

МАТВѢЙ М.

II.

Старикъ сидѣлъ въ углу и согрѣвалъ дыханіемъ закопченныя руки.

Я взглянулъ на подростка и въ полумракѣ мнѣ почудилось нѣчто безобразное... Я подошелъ ближе, еще ближе... въ испугѣ отступилъ: передо мной стоялъ уродъ.

Какъ-то нелѣпо и дико выдѣлялась въ сумракѣ голова подростка — съ обрубленными ушами!

Глубокая и пустая глазная впадина чернѣла отвратительно и злобще. Смертью и ужасомъ вѣяло отъ изуродованной головы, одной стороной своей походившей на безжизненный черепъ...

Мнѣ стало жутко и я невольно попятился...

— Что это... что съ вами сдѣлали?!

Отецъ и сынъ молчали. Зато единственный глазъ подростка вдругъ засвѣтился. Казалось, въ немъ сверкнула ослѣпительная молнія ненасытной мести, казалось, всѣ затаенныя муки, всѣ мысли, всѣ стремленія изстрадавшейся юной души съ необычайной силой вспыхнули и отразились въ этомъ страшномъ взлѣдѣ! Вспыхнула — и погасла.

Я вспомнилъ тусклый зимній день, толпу людей съ обнаженными головами, вспомнилъ сѣрую стройно колышавшуюся массу, холодный стальной блескъ и... больше не спрашивалъ: все стало понятно.

Старикъ заговорилъ и голосъ его звучалъ какъ надорванная струна.

Метель глухо выла за окномъ и вторила повѣсти старика.

Это была печальная повѣсть двухъ живо погребенныхъ людей, выброшенныхъ за бортъ жизни.

И когда это случилось — день сталъ для нихъ ночью, а ночь стала днемъ. Когда для всѣхъ свѣтило солнце — они скрывались отъ взора людей, а когда наступала ночь и затихала дневная жизнь — они выходили изъ своего убѣжища и крадучись бродили во мракѣ... Ибо ихъ считали мертвыми. Такъ проходили дни, недѣли...

Они бродили отъ города къ городу, отъ селенія къ селенію, каждый часъ дрожа за свою жизнь, скрываясь отъ людей и солнечнаго свѣта. Когда они оставили позади себя изгнавшую ихъ родину — для нихъ снова стало свѣтитъ солнце и день сталъ для нихъ днемъ и ночь стала ночью.

Къ нимъ вернулась жизнь и они стали жить!..

Но это продолжалось недолго!..

III.

Ихъ окружала кипучая трудовая жизнь, они жили среди свободныхъ людей и были сами свободны, имъ, наравнѣ съ другими, свѣтило солнце, а послѣ рабочаго дня ночь давала имъ безмятежный отдыхъ, — но все это было имъ чуждо, и не разъ зарботанный кусокъ хлѣба становился поперекъ горла, тяжелыя думы гнали сонъ и тоска угнетала ихъ души...

Но они, отецъ и сынъ, молчали объ этомъ — имъ было жаль другъ друга.

А оттуда, съ далекой родины, приходили

тревожныя вѣсти о кровавой борьбѣ, доносились глухіе раскаты разыгравшейся грозы.

Съ каждымъ днемъ становились мрачнѣе ихъ затаенныя думы, съ каждымъ днемъ нарастала тоска, и скоро свобода стала имъ казаться мучительной неволей, а хорошо вознаграждаемый трудъ — наказаніемъ... Какая-то могучая сила все сильнѣе и чаще звала, манила ихъ туда, — гдѣ лилась кровь братьевъ, гдѣ дымились пожары и гдѣ смерть своимъ страшнымъ плутомъ впахивала землю и устилала ее могильными холмами.

Но они долго молчали объ этомъ — отецъ и сынъ.

Однажды ночью они признались другъ другу и утромъ покинули городъ.

Они возненавидѣли окружающую ихъ жизнь; они поняли, что тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы — нѣтъ жизни и что жизнь — борьба.

И снова начались скитанья, а день снова сталъ для нихъ ночью, и ночь стала днемъ.

Они вернулись.

Старикъ кончилъ и всталъ.

— Пора!

— Пора! повторилъ подростокъ и сверкнулъ своимъ единственнымъ глазомъ.

Я проводилъ ихъ.

Они мелькнули раза два предо мною и скоро скрылись въ снѣжномъ вихрѣ, который кружился съ глухимъ воємъ и взмывалъ сѣдыя волны къ черному безвѣздному небу.

ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ.

Buria

1906 no 4-5

Из геттингенского музея о старинной гравировке.

Druckerei.

Гамаюнъ—вѣщая птица (по Васнецову).

Въ Прибалтійскомъ краѣ.

В и т я з ь.

По тропѣ, въ лѣсу дремучемъ,
Звонко брякая уздой,
На конѣ своемъ могучемъ
Бдетъ витязь удалой;
Онъ въ кольчугѣ и кафтанѣ,
У сѣдла привязанъ лукъ,
За его спиной—въ колчанѣ—
Стрѣлъ каленыхъ цѣлый пукъ.
Тихо дрему навѣвая,
Боръ таинственно шумить,
Тяжело впередъ ступая,
Конь испуганно храпитъ;
Трудно дышется въ неволѣ—
Въ этомъ сумракѣ лѣсномъ:
Онъ привыкъ на бранномъ полѣ
Гарцовать подъ сѣдокомъ,
Съ буйнымъ вѣтромъ породнившись,
Вслѣдъ за нимъ летѣть стрѣлой,
Съ грознымъ недругомъ сразившись,
Отдыхать въ степи глухой!
Витязь мраченъ; словно тучей
Отуманенъ свѣтлый ликъ,
Головой своей могучей
Онъ въ раздуміи поникъ.
Пѣсня воли не поется:
Витязь сердцемъ изнемогъ,
Подъ кольчугой оно бьется,
Какъ израненный звѣрекъ.
Чѣмъ же всадникъ озабоченъ,
И смущается онъ чѣмъ?
Вѣрный мечъ его—отточенъ,
И горитъ, какъ солнце, племъ;
Никогда боецъ веселый
Не терпѣлъ сердечныхъ ковъ,
И не разъ ужъ мечъ тяжелый
Притуплялся о враговъ.
Но сегодня, въ полѣ чистомъ,
Острой, мѣткою стрѣлой
Имъ—подъ облакомъ волнистымъ—
Раненъ соколъ молодой...
Въ битвы тяжкія години
Много онъ враговъ разилъ,
Но ни разу безъ причины
Витязь крови не пролилъ.

И теперь она о мщеньи
Громко молить небеса!
Оттого, въ такомъ смущеньи,
Витязь прячется въ лѣса;
Оттого и боръ дремучій
Такъ таинственно гудеть,
Оттого и конь могучій
Спотыкаячусь идетъ.
.....
Очи витязя горѣли,
Былъ нахмуренъ свѣтлый ликъ,
А въ бору шептались ели,
И въ поляхъ свистѣлъ куликъ.

М. ОЛЬШАНСКІЙ.

М ы с л ь.

Тамъ, гдѣ черный, непролазный лѣсъ
Цѣлыми вѣками загромождалъ путь къ свѣту
и размножалъ хищниковъ, угнетающихъ
всю страну,—родилась Мысль.
Она родилась въ темную ночь, среди
спящаго народа.
Скоро почувствовали ея пробужденіе
хищники и стали ее преслѣдовать: они ви-
дѣли въ этомъ пробужденіи свою гибель.
Мысль будила сознаніе. Народъ, про-
сыпаясь, страхивалъ съ себя вѣковую пыль.
Открытые глаза жаждали свѣта, но его не
было.
Мысль говорила: «прорубайте чашу—
тамъ, за густыми тучами черного лѣса—
сіяетъ свѣтъ; тамъ, впереди теплая страна
счастья».
Но мысль была еще слишкомъ слаба,
чтобы проникнуть въ глубокіе углы подзе-
мелья. Своимъ молодымъ лепетомъ она
только едва будила сознаніе. У молодой
мысли еще не было творческаго огня. И...
просыпающійся народъ съ открытыми гла-
зами блуждалъ среди мрака.
Насиліе висѣло надъ людьми и покрыва-
ло ихъ тѣла мучительными язвами.
Въ рудникахъ, въ темной, холодной про-
пасти народъ день и ночь скрипѣлъ жилами.
Насиліе отняло у людей волю, время и
изъ его богатырской силы сдѣлало источ-
никъ своего обогащенія.

Больно, холодно и темно было внизу...
Мысль открытыми глазами видѣла свѣт-
лое будущее, но она была достояніемъ
только немногихъ обитателей высотъ.

Мысль росла и иногда разбрасывала во-
кругъ себя искорки, но они были такъ
ничтожны, что не могли освѣтить подзе-
мелья.

Не всегда блуждающіе огоньки этого
свѣта гасли безслѣдно: иногда они попа-
дали внизъ и тамъ зажигали мысль.

Порою онѣ долетали до высотъ. Оста-
ваясь наверху, онѣ старались внести свѣтъ
къ нижнимъ братьямъ, но насиліе разру-
шало ихъ свѣтальники.

Солнечный горизонтъ счастливаго утра
былъ только грезой поэтовъ; но жители вы-
сотъ не видѣли свѣтлаго будущаго. Народ-
ное счастье имъ было враждебно. Орудіемъ
ихъ—былъ гнетъ. Во имя своего раскрашен-
наго счастья они все глубже и глубже за-
пускали свои клыки въ хребетъ народа.
Внизу становилось тѣснѣй. Тяжело было
дышать. Воздухъ нагрѣвался. Обитатели
подземелья чаще теперь разгибали свои по-
звоночники и, со злобой смотрѣли наверхъ.
Они видѣли надъ собой насиліе; они слы-
шали звонъ золота, того драгоценнаго ме-
талла, который покупали цѣною своей жи-
зни. Внизу былъ другой міръ, міръ мрака
и произвола, міръ отреченія. Здѣсь у лю-
дей на тѣлѣ вмѣсто кожи нарастала чешуя.

Когда люди задыхались въ сжатомъ воз-
духѣ подземелья,—они стонали.

Насиліе слышало этотъ стонъ. Онъ тре-
вожилъ его и оно еще плотнѣе навалива-
лось на стѣсненную грудь народа.

Насиліе уже ходило по нагрѣтой землѣ.
Внизу отъ страшной духоты загорались
сердца.

Холодно и безстрастно смотрѣли рудо-
копы на драгоценности, которыя отыски-
вали въ глубокихъ нѣдрахъ земли для сча-
стья своихъ поработителей. Въ брилліан-
тахъ и золотѣ они не видѣли красоты: на
все это они смотрѣли какъ на источникъ
гнета и страданія.

Въ мрачныхъ углахъ подземелій они про-
водили всю свою жизнь. Желѣзный молотъ
и стальной ломъ были ихъ единственными
друзьями.

Желѣзный молотъ разрушалъ все, что попадалось подъ его взмахъ: дробилъ мраморъ, разсыпалъ кварцъ.

Стальной ломъ громилъ подземелье. Въ крѣпкихъ мозолистыхъ рукахъ человека ломъ боролся со скалистыми скажинами. Открывая доступъ къ драгоценностямъ, онъ настойчиво пѣлъ о борьбѣ.

Человѣческая сила росла и скоплялась внизу.

Въ подземельяхъ происходили взрывы: это—зарождалась Мысль и ея жгучія искры зажигали сознание, летѣли кверху и тамъ воспламеняли сердца.

И страшное насиліе дрожащей черной лапой зажимало трещины, но мысль яркими, свѣтлыми искрами обжигала ея бархатную шкуру и отвратительная лапа летѣла прочь...

Черный лѣсъ затрещалъ и освѣтилась даль: тамъ занималась яркая заря. Она манила къ себѣ Мысль такую же чистую, свѣтлую, какъ и она сама...

А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ.

Баллада.

Король сидѣлъ со свитой,
Какъ олимпійскій богъ;
Весъ золотомъ залитый,
Сіялъ его чертогъ.
Изъ рога изобилія
Струей лилось вино...
Владѣтелемъ Севильи
Въ даръ прислано оно.
Изъ кованнаго злата
Приборы на столѣ,
Въ нихъ приносили Муската,
Растущія въ теплѣ.
И грозды винограда
Изъ дальнихъ южныхъ странъ
Обѣщаны въ награду
Тому, кто будетъ пьянъ...
И свита пировала
За золотымъ столомъ,
И кубки подымала
За королевскій домъ...
...Въ столицѣ собиралась
Голодная толпа
И съ шумомъ направлялась,
Звоня въ колокола.
Привратникъ испугался
И затрубилъ въ свой рогъ...
Никто не отозвался...
Быть окруженъ чертогъ.
Народъ вошелъ въ палаты
И съ нетерпѣньемъ ждалъ.
Чтобы король безъ платы,
Голоднымъ хлѣба далъ.
Король сидѣлъ со свитой
Подъ сводомъ колоннадъ,
И на толпу, сердитый,
Онъ кинулъ пьяный взглядъ:
„Кто смѣлъ рабовъ надменныхъ
Впустить въ роскошный залъ!
Рубите дерзновенныхъ!“—
Онъ свитѣ приказалъ.
Но свита охмелѣла
Отъ крѣпкаго вина
И на возставшихъ смѣло—
Не кинулась она.
Толпа забушевала
И поднялась, какъ вальс...

И слѣдъ кровавый бала
Хранить роскошный залъ...

МАТВѢЙ МАЗЕЛЬ.

Опять!

Опять сгустилась ночь угрюмая надъ нами;
Семкнулася толпа свинцовыхъ облаковъ,
И тьма холодная глубокими волнами
Дорогу облегла, какъ траурный покровъ.

Опять ни огонька, ни ласкового звука
Кругомъ и впереди; даль пропасти чернѣй;
Вновь жутко слѣдять шагъ и тягостная мука
Въ груди измученной сильнѣе и сильнѣй.

Лишь вѣтеръ кочевой, какъ звѣрь пустыни,
мчится,
И чудится его неугомонный гласъ:
«Пусть все кругомъ уснетъ, покорно при-
таится—
Одинъ я властвую въ полночный этотъ часъ!»

О вѣтъ, мы не уснемъ! Ворчанію мятели
Не убаюкать насъ. Одна предъ нами цѣль.
Одинъ предъ нами путь—и, не достигнувъ
цѣли,
Кто сможетъ хоть на мигъ глаза свои
сомкнуть?..

И. Г.

Что рассказывали волны...

„Мы старыя волны, сѣдые, угрюмыя
волны холоднаго, какъ полярная ночь,
моря...“

Послушай, послушай, что мы тебѣ раз-
скажемъ, путникъ!..

Долгіе дни, долгіе мѣсяцы спали мы
подъ ледяной корою и плакали тихо, какъ
дѣти...

Но оно приходитъ—ясное солнце, оно
раскрываетъ нашу тюрьму, оно пѣлуетъ
насъ, и мы веселы тогда, угрюмыя, ста-
рыя волны! Мы смѣемся, играемъ, уби-
рая головы бѣлой пѣной, мы поемъ пѣ-
сню... Онъ научилъ насъ этой пѣснѣ...
Ты его знаешь, путникъ? Онъ часто
приходилъ сюда и садился вотъ на
этотъ камень; а мы бѣжали къ нему
радостной толпой, мы, играя, окутывали
его роемъ брызгъ, мы цѣловали его ноги...

А онъ съ грустной, свѣтлой улыбкой
смотрѣлъ на насъ...

Темныя, буйныя волны, наши сестры,
обвивали его голову, а глаза его горѣли,
какъ наши гребни, когда въ нихъ ку-
пается мѣсяць.

Мы любили его... Онъ долго, долго смо-
трѣлъ на насъ и первый сказалъ намъ:
„Свободныя, счастливыя волны!“

Мы не знали, что значитъ „Сво-
бода“, но мы поняли его; о, мы поняли!
О ней говорилъ намъ сѣверный вѣ-
теръ, о ней пѣтали ласковые лучи...

И онъ запѣлъ пѣсню о свободѣ... И
мы подхватили ее. А изъ его глазъ на
наши гребни падали свѣтлыя, горячія
капли, онъ жгилъ насъ, и мы пѣли... пѣли:

„Мы старыя волны, угрюмыя волны:
„Мы робко стонали, отчаянныя волны,
„Къ далекому свѣту, свободы не зная,
„Рвалися, рыдая!
„Все ждали горячихъ лучей,
„Небесныхъ мечей!
„Но жгучія слезы страданья упали...
„Мы пѣсню свободной впервые внимали.
„Грозить намъ насилья тюрьма ледяная,

Но, страха не зная,
О! дѣти морей,
На битву скорѣй!

Veta.

* * *

Подальше ихъ, газетъ печальныя страницы!
Глаза утомлены, измученъ бѣглый взоръ—
Что вѣсть, то новыхъ жертвъ нѣмыя
вереницы,
Что слово, то ударъ, что строчка—то
позоръ...

Смотри—какъ глубоко уснули, притаились
На днѣ людской души достоинство и честь,
Какъ широко вражда и злоба воцарились,
Какой просторъ себѣ завоевала мѣсть.

Безъ страха предъ людьми, безъ страха
передъ Богомъ
Встаетъ на брата брать съ отточеннымъ
мечемъ;
Въ угрюмомъ городѣ, въ селеніи убогомъ—
Повсюду брызжетъ кровь стремительнымъ
ключемъ.

Растутъ и въ ширь и въ даль подмостки
эшафота.
И Каины спѣшать, добычу имъ влача,
И все живѣй кипитъ кровавая работа,
Все торопливѣе удары палача.

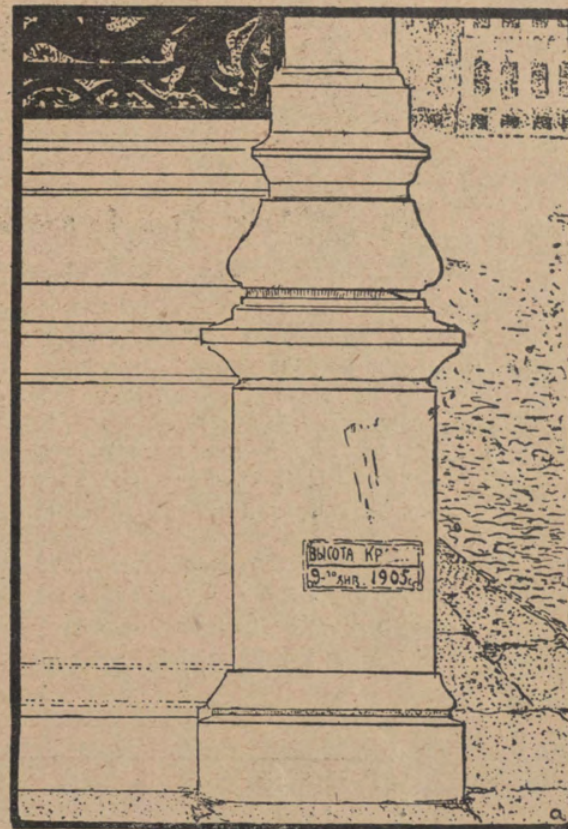
И вторя палачамъ, ихъ одичалой страсти,
Могила ждуть къ себѣ, зовуть къ себѣ
гостей,

И падаетъ стремглавъ въ зияющія пасти
За валомъ новый валъ и труновъ и костей.

Кто слабъ—на вѣкъ погибъ; кто мощенъ—
торжествуетъ
И силъ рукъ своихъ хвалебный гимнъ
поетъ;
Пощады не проси—ея не существуетъ,
Забывшись крѣпкимъ сномъ, пощада
не встаетъ.

О нѣтъ, подальше ихъ, кровавыя страницы!
Кружится голова, измученъ бѣглый взоръ;
Что вѣсть—то новыхъ жертвъ нѣмыя
вереницы,
Что слово—то ударъ, что строчка—то
позоръ!

И. Г.

Къ предстоящимъ выборамъ.

Къ свѣдѣнію г. авторовъ:

Рукописи въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ исправленіямъ; доставленныя безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Рисунки просятъ доставлять въ эскизахъ для совмѣстнаго обсужденія съ редакціей.

Для полученія письменнаго отвѣта необходимо прилагать почтовую марку.

Выдача гонорара производится по выходѣ каждого номера.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ отъ 6 до 8 ч. ежедневно.

Адресъ Редакціи: Николаевская 2.

Ред.-Изд. Г. П. ЭРАСТОВЪ.

Редакторъ издатель Г. П. Эрастовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ

„БУРЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА БЕЗЪ ДОСТАВКИ въ СПБ.:

въ годъ 3 руб.

съ доставкой и пересылкой
во всѣ города Рос. Имп.

5 руб.

1/2 года 3 руб.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала СПБ. Николаевская 42.

Редакторъ-Издатель Г. П. Эрастовъ.